

Дорогое время

A human skull is the central focus, resting on an open book. In the background, a large, ornate clock with Roman numerals is visible. The scene is dimly lit, creating a somber and mysterious atmosphere.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Василий Попов

18+

Василий Попов

Дорогое время

<https://litres.ru/57426382>

SelfPub; 2026

Аннотация

Преуспевающий бизнесмен, в прошлом связанный с криминалом, сталкивается с искривлением времени, и с этого момента его жизнь полностью меняется. Трагические потери близких, неудачи в бизнесе, психологические травмы и психические расстройства... Все происходящее так или иначе связано со временем, и его манипуляциями. Кто им манипулирует? Призраки из прошлого или настоящего?

Содержит нецензурную брань.

Василий Попов

Дорогое время

Сколько раз ты опаздывал, не успевая на встречу? Сколько раз драгоценные секунды лишали тебя чего-то... Сколько раз нехватка этих мгновений лишала людей любви, счастья, порой даже жизни. Многие после подобного начинают ценить время, возвышая его в культ, преклоняются ему, делая своим идолом.

«Ничто не стоит так дорого, как время. Не трать его на пустые разговоры и глупые поступки».

Эту фразу своего отца Михаил запомнил раз и навсегда и в качестве слогана установил на своем рабочем столе в мраморной рамке. Работая, он периодически смотрел на нее. Это помогало жить? Иногда да. Отца забрала смерть. Фраза продолжала жить.

– К Вам Вячеслав Нетронутый, – раздался голос секретаря Вики. – Хотя мне всегда кажется, он как раз слегка тронутый!

Михаил скользнул взглядом по фразе отца.

– Пусть войдет!

Нетронутый – сочетание пороков лести и необузданной жадности. Он приносил иногда полезную информацию. Не бесплатно. Фильтрованием полезности занимался сам Михаил.

В кабинет вошел невысокого роста человек с глазами навывкате. В несвежем костюме, с несвежим лицом и соответствующими волосами. Приветливый кивок сменился неприятной улыбкой и скрипящим голосом.

– Наше Вам с кисточкой!

– Кисточку оставь себе. – Михаил знал три стандартных приветствия Нетронутого, все – фразы из кинематографа. – Что, проигрался опять?

– И это тоже. Но... – Нетронутый жадно взглянул на бутылку с алкоголем. – Есть кое-что подороже!

Михаил катнул ему наполовину наполненный бокал. Чем расположил собеседника – Нетронутый сел напротив.

– Мое время, как известно тебе... – начал Михаил, но что-то во взгляде поглощающего жадными глотками алкоголь заставило замолчать.

– Время... – с парами виски выдохнул Нетронутый. Рукой при этом взмахнул, как дирижёр. – Время, мать его!

Он потянулся к коробке с сигарами. Михаил проглотил наглость, списывая ее на дорогостоящую информацию.

– Вы когда-нибудь слышали, чтобы время продавали?

Вместе с улыбкой Михаила посетила догадка о невменяемости пришедшего. Рука сама потянулась к кнопке, расположенной на боковой части стола. Нетронутый знал все об этой кнопке – что происходит после ее нажатия. Поэтому он замахал руками.

– Им торгуют! – эксцентрично воскликнул этот фрик. – И

очень успешно...

– Дилеры на улицах или... брокеры на биржах? – Михаил обрезал кончик сигары.

– Человек... – Рука Нетронутого потянулась к бутылке, но, словно наткнувшись на невидимую преграду, остановилась.

– Часовщик-еврей с Наглядной улицы? – Михаил выпустил клуб дыма.

Нетронутый нервно замотал головой.

– Это очень странный человек. Мой знакомый, так, почти знакомый... Проигрался на рулетке и нервно заливал это бухлом. – Рука Нетронутого прошла сквозь невидимую преграду и налила ему виски. – Он гонщик. Мотогонщик. Он неплох. Так все говорят. Рискует во время заездов, он выкладывается на все сто, но... по не объяснимым причинам он всегда только второй или третий. Ему не хватает чистых побед и, соответственно, очков, чтобы перейти в GP.

Михаил поперхнулся дымом. Нетронутый расценил это по-своему.

– К нему подошел человек, – затараторил он, – и предложил купить время, купить те секунды, которых ему так не хватает, ... на полном серьезе! Тим рассмеялся незнакомцу в лицо. В ответ тот предложил эксперимент – проверку на рулетке. Говоря о том, что рулетка крутится определенное время, и шарик, соответственно, также крутится свое время, независимо от времени кручения рулетки. Тим потребовал демонстрации. Они подошли к столу, и человек сказал Ти-

му: «Я могу сократить время вращения рулетки или шарика, либо удлинить, и выпадет именно то, что мне необходимо». Тим засмеялся в очередной раз. Человек предложил Тиму самому назвать поле и цифру. Что тот и сделал. Семнадцать – красное выпало. Затем еще несколько раз подряд выпадало именно то, что говорил Тим!

– Как он выглядел?

– Как пассивный гей, переживший изнасилование...

– Я сейчас не про твоего знакомого.

– А... Обычный человек, ничего особенного: средний рост, недорогой костюм, вьющиеся волосы, очки, каких уже давно никто не носит. Да... часы на руке довольно крупные, но странные, как и он сам.

– Дальше. – Михаил выпустил дым в сторону лучей солнца, прорвавшихся сквозь жалюзи окна.

– Затем они о чем-то поговорили, сидя за столом. Человек ушел, оставив Тима в растерянности и с визиткой в руках...

– Это все? – Михаил был утомлен рассказом.

– Да, если бы не то, что Тим вчера выиграл гонку, обойдя своего извечного соперника на доли секунд!

– Простое совпадение, в конце концов, он стремился к этому. – Михаил взглянул на монотонно вращающийся вентилятор. – И победил...

– Да нет! – Нетронутый преобразился. – Тим сам в себя уже не верил. Поэтому и бухал, как лошадь... Из команды выгонять хотели, а тут такой фуор!

– Занятно... – Михаил коснулся кнопки стола. – Но время, время...

Перед Нетронутым упали несколько банкнот. Тот смел их сначала взглядом, затем рукой. Двери распахнулись, вбежали два мраморных дога, и вошли два телохранителя. Первая пара, виляя хвостами, уставилась на поджимающего ноги гостя. Вторая пара, ничем не виляя, смотрела на Михаила.

– До встречи! – И уже обращаясь к вошедшим: – Выезжаем!

*

Еженедельный объезд заведений доставлял Михаилу не только успокоение, но и моральное удовлетворение. С развитием и расширением бизнеса он сам фактически отошел от ведения дел, вручив все в руки управляющих. Удобно. Не сковывает. Дает время подумать.

Ночной клуб. Он всегда начинал с него. Это было первым его делом, потребовавшим в свое время больших затрат и большой крови. Он любил клуб. Клуб, как ему казалось, платил тем же.

Ната – управляющая, очень интересная личность. Игрок по жизни. Игра ее заключалась в том, что она умела классически подтасовывать события прошлого под настоящее и наоборот. При помощи умелых ходов, интриг, очередной лжи. Михаил называл это «работай над ошибками». Ко всему прочему она была еще и фанатичным трудоголиком. И преданной до конца.

Бледная кожа. Худое лицо. Выразительные глаза. Утончённая внешность деловой женщины.

Михаил находился в ее кабинете как гость. Он всегда считал, что только так управляющий может чувствовать себя на своем месте, и только так он сможет быть до конца открытым.

– В целом все неплохо, несмотря на открытие еще одного клуба через улицу, – Ната выкладывала перед Михаилом бухгалтерную отчетность. – Только... – она прикусила губу, – нас загоняют во временные рамки. Муниципалитет. У нас забирают два часа...

– Почему я узнаю это только сейчас?

– Я пыталась выровнять все своими силами... – Ее плечи дернулись.

Михаил уже стоял позади ее кресла. Он положил руки на женские плечи. От нее пахло черемухой.

– Столько лет, столько времени, Ната, мы решали все вместе, сообща... – Плечи дрожали под руками Михаила. – Сейчас ты решила все исправить сама... Не получилось. Мы потеряли время.

Он был в дверях, когда услышал ее срывающийся голос:

– Мне освободить кабинет?

– Не сейчас, придет время...

Проходя сквозь залы своего детища, Михаил впервые ощутил отвращение к клубу. Необъяснимые чувства, возникшие во вполне объяснимых обстоятельствах.

Он звонил из салона автомобиля человеку, стоящему возле рычагов городской власти. Нет, он не давил на эти рычаги сам. Но его влияния хватало делать усилия давления более мощными и наоборот. Михаилу было достаточно этого. А человеку хватало денег от достаточности Михаила.

– Понимаешь, сменилось руководство... Налицо смена направлений и концепций. Я пока не у дел, – голос в трубке выдавал всю степень сожаления. – Время такое. Извини...

Михаил выругался. Делал он это редко. Во время крайнего эмоционального напряжения. Его двигают. Он это чувствует. И двигают нагло и без какого-либо прикрытия. Значит, соперник дерзок и уверен в себе. Это впечатляет и рождает спортивный интерес. Михаил откинулся на спинку сиденья и заулыбался возрождающимся чувствам.

Боксерский клуб. Этот клуб они с Андреем основали вдвоем. Андрей в земле. И доля приносящего клубом капитала идет жене Андрея и его сыну. Все по-честному. Как и должно быть.

Местный управляющий – бывший боксер и промоутер. Олег. Его полтинник отражался на грузном теле, а два чемпионских пояса оставили шрамы и ломаный нос на лице. Олег говорил быстрее, чем думал. Михаил всегда списывал это на спорт. Но иногда это помогало быстрее понять ситуационную суть, чем дожидаться обдуманных ответов.

– Нет! – произнес Олег. – Сначала да, потом два раза нет. Я ничего не пропустил и понял все правильно... – Он дергал

перчатки, висящие на стене.

Михаил рассматривал фотографии известных боксеров так, словно видел их впервые. Черно-белые фото, цветные... Лица боксеров похожи: сломанные носы, рассечения. Неподвластны изменению временем. Все то же самое: те же удары, те же травмы.

– ...Все было скреплено договорами, и мы обнялись, как в клинче, но потом звонок, как гонг с текстом о непреодолимых проблемах. В следующем раунде переговоров появился их представитель и заявил со всей ответственностью (хотя и не весит столько): «Контракт расторгнут». Невовремя заявлено о нашей неготовности разместить больше пяти сотен зрителей. К нам потеряли интерес.

– Бои пройдут в Богатыре, – сделал вывод Михаил.

– Да, там...

Михаил встал и три раза ударил в гонг, стоящий на столе управляющего.

В посещении офисов истроек он не видел смысла. Решил ограничиться телефонными звонками. Информация неутешительная. Почти везде возникли проблемы. На разных уровнях Михаил терял деньги и позиции. Простоял слишком долго груз с Мадагаскарским тиком в портах. Из-за задержек на таможне просрочена партия товаров. Везде неоспоримым фактором потерь являлось время. То есть то, из чего он делал фактически культ, и то, что помогало ему всегда находиться на вершине успеха, теперь разрушало его ликвид.

Михаил взглянул на старенькие Rado на своей руке и улыбнулся. Время прогулки.

Вечер ложился на плечи, словно шелком рубашка, отеняя районы мегаполиса, силуэтами деревьев парка. Два огромных дога бегали вокруг него. Их морды, напоминающие денежные саквояжи из прошлой жизни, раскрывались для громкого лая. Они периодически садились перед Михаилом и заглядывали в его глаза, словно понимали суть проблемы. Он трепал их за уши и шел дальше, лишая собак игры.

«Время! Так много сегодня сказано о нем с самого утра. Кто начал эту лихорадочную гонку со временем? Нетронутый или девиз отца? Может, оба одновременно?»

Выкурив сигарету, вдохнув еще раз свежий воздух и получив пару ударов хвостом одной из заигравшихся собак, Михаил отправился искать Нетронутого.

*

Они сидели друг напротив друга. Приватная комната казино. Нетронутый по-прежнему был несвеж. Да, он сменил костюм и неряшливость прически, а пробивающийся запах пота – на терпкий одеколон. Глаза говорили о том, что он все это время провел в казино и в алкогольном дурмане.

– Да, я видел Тима, – ответил он на вопрос Михаила, почему-то прячась от света лампы. – Он утопает в лучах славы, пестрит на обложках журналов. Нерядовое событие – переход в этот класс... Нетронутый залпом выпил бокал коньяка,

и смотрел на содержимое бутылки, купленной Михаилом. – Я видел его всего один миг. Он выходил из лимузина в окружении четырех длинноногих красавиц возле входа в «Континенталь». Меня даже не подпустили туда. Но Тим заметил меня и, повернувшись, крикнул: «Доли секунд, доли... они на самом деле бесценны!»

Михаил, плеснув себе коньяка, выпил и поморщился, словно почувствовал червоточины дерева дубовых бочек, в которых настаивался напиток.

– Но, что странно, я уже собрался уходить, когда толпа папарацци рассеялась, возле меня оказалась женщина в траурном одеянии. Она произнесла фразу, которая до сих пор стоит громом у меня в ушах, – Нетронутый залпом выпил на треть наполненный бокал. – «Только падший человек может глумиться в момент скорби по собственной матери...». Я не до конца понимаю смысл сказанного, но...

– Он очевиден! – произнес Михаил, вставая и покидая приват-комнату.

Нетронутый лежал на влажном мраморе перед входом в казино. Руки нелепо раскинуты по сторонам так, словно человек пытался собрать рассыпанные вокруг него фишки. Один глаз вытек. Второй, приоткрывшись, смотрел на Михаила. Подбежавший сзади работник казино выдохнул с сожалением:

– Я пытался схватить его, когда... Он стоял на подоконнике! Не хватило каких-то долей секунд, моя рука провалилась

в пустоту именно там, где была мгновенье назад его нога.

Михаила передернуло от увиденного или услышанного. Но он не помнил, чтобы такие вещи происходили с ним после крещения. Крещение – обряд посвящения, ритуал скрепления кровью человека и организации.

«Теперь ты действительно не тронут после касания смерти!»

Волосы Нетронутого перебирал ветер. А чья-то заботливая рука прикрыла полуоткрытый глаз.

Впервые Михаил не поехал к семье. Впервые за много лет. Он даже не смог произнести что-то вразумительное в телефон. Сказать, почему он так занят.

Он поехал в тир. Парни подносили заряженное оружие – пистолеты разных модификаций и систем. Он стрелял до одурения. Между десятком обойм – стакан виски. Это продолжалось недолго – полтора часа. Затем он упал в кресло. Очнулся от легких укусов руки Мартином – одним из пары догов. Два брата, а как по-разному чувствуют состояние хозяина. Один, несмотря ни на что, зовет играть. Говард пребывает в меланхолии вместе со своим хозяином.

Раздались звонки о проблемах в ночном клубе. Масштаб и причины неизвестны. Если что-то не говорилось по телефону, то было очевидным – ситуация нестандартная. Михаил, распрямив тело, встал и пошел к выходу. Сквозь морозный воздух – к машине. Сквозь жаждущих развлечений в ночном клубе – в здание. Сквозь пеструю толпу – в кабинет. Сквозь

потоки воздуха, нагнетаемого вентилятором, – к Нате.

Ее голова покоилась на столе. Ручка, зажатая в тонкой руке, воткнута в бумагу. Волосы беспорядочно раскиданы. Ни капли крови. Ни капли жалости в Михаиле. Интерес – почему?

Он нашел ее в одной из компаний, промышляющих мутными сделками с недвижимостью. Она играла роль подставного лица, и ее карьера – а с ней и яркая псевдоделовая жизнь – вот-вот должны были оборваться. Михаил прочел это и смог спасти Нату. Он, разглядев ее интеллектуальные прорывы и деловую хватку, направил их в нужное ему русло. И получил перспективного управляющего клубом. Доверие Ната оправдала. Генерируемая прибыль была стабильна.

Михаил вытащил листок бумаги из-под головы Наты. Это был отчет. На другой стороне текст:

«Я доигралась. Даже в несложных играх необходимо время для отдыха. Я беру тайм-аут».

– Сломана шея, – проговорил доктор. – Никаких гематом и подтеков.

Михаил кивнул. С доктором рассчитались. Он был профессионал – хранил молчание и клятву Гиппократата.

Две смерти кряду. Смерть. Давно она не подходила так близко к нему. Были времена, когда они шли рука об руку. Прыгая с ней, друг через друга, как в детстве играя в чехарду.

Что произошло? Неужели пришло время?

Даже сейчас, глядя на мрачный силуэт заброшенной церкви, возле которой кружили вороны, он помнил запах воска и всхлипывания женщин во время поминального обряда. С того самого момента он не переступал пороги храмов.

Михаил не знал, что привело его сюда. Смерть отца? Или надежда найти покаяние перед чем-то грядущим и необъяснимым? Покосившиеся, изъеденные временем кресты и надгробья магически светились в лунном свете. Хруст веток под ногами охраны перекрикивался с карканьем воронов.

– Она приходит за тобой, не выкашивая окружения, – так говорил вышестоящий в иерархии, философствуя на тему задержек на этом свете.

Но эти две смерти казались Михаилу сигналом, предупреждением что ли. Почему так? Почему не сразу? Зачем бесполезное сопряжение на тему времени?

Узнать о том, что время стало для Михаила чем-то идеализированным, не было проблемой. Он давал об этом понять всем: партнерам, посредникам, подчиненным.

Они плыли по каналам, которые разделяли город на неравные части, отрезая ратушную площадь с кривыми улицами старого города от новых построек из стекла и бетона. Люди любили эти меланхолические потоки воды, несмотря на неотъемлемый запах тины. Михаилу нравилось здесь размышлять и придаваться воспоминаниям.

– Не тяни время! – так сказал посвящающий его. – В момент, когда ты начинаешь думать, твоя жизнь висит на во-

ლოსკე. Помни об этом!

Он запомнил это навсегда, глядя на то, как тощий человек быстрыми движениями подтирает следы после крещения. Михаил был посвящен. Учитель самой страшной науки не обмолвился ни словом о том, как прошел обряд. Ему было двадцать два, и он смотрел пустыми глазами на тело жертвы как на изжившую себя вещь.

Звуки плескания весел и ноты романтики, доносящиеся со сцен водных ресторанов, окунали Михаила в воспоминания, пропитанные лирикой свиданий волнующих закатов и рассветов. Это всегда расслабляло. И неосознанная улыбка потом еще долго блуждала на его лице.

Вот так – пустить все на самотек, Михаил не мог. Это могло поломать его внутреннее я. Но и с этим он смирился бы. Есть еще и Ольга с двумя маленькими восьмилетними близнецами. Жизнь которых и, в первую очередь, благополучие стоят на первом месте. Что там какие-то принципы?

*

Встретиться со звездой мотогонок было несколько проблематичным. Публичная личность стала охраняема массой поклонников и фоторепортеров. О какой-либо приватности не могло быть и речи.

Но Михаил вошел в его номер люкс через дверь смежных апартаментов. Никогда не понимал смысла существования этих дверей.

Тим лежал на кровати, закутавшись в одеяло среди раз-

брошенных предметов ночного времяпровождения. Детали женской одежды, контрацептивы, пакеты из-под субстанций, ряд бутылок вокруг кровати. Молодой человек сопел с лицом младенца.

Удар трости и резкий крик превратили младенца в загнанную лошадь. Он почти так же захрипел и выпустил пену изо рта.

– Страх... – сказал Михаил, усаживаясь в нетронутое разворотом кресло. – Страх превращает людей в животных. Однако не только это делает их такими.

– Я не понимаю... – мямлил лежащий на кровати, вжимаясь в матрас, словно в армию спасения.

Михаил поднял тростью женский лифчик и попытался надеть его на стоящие рядом две полупустые бутылки коньяка.

– Непонимание порождает страх, а тот, соответственно... Впрочем, я уже говорил.

Трость Михаила удачно накрыла бутылки текстильными куполами, созданными из предмета женского гардероба. Он заметил лежащие неподалеку женские трусики. Конец трости потянулся к ним.

– Ты кто? – эти слова дались Тиму явно с трудом.

– Тим – это от «Тимофей»?

Парень кивнул.

– Я твой поклонник...

Эта фраза как-то даже приподняла гонщика, как триумфатора, вызывая улыбку на лице Михаила. Один из парней

открыл окно, и свежий воздух ворвался в комнату, кутая гонщика обратно в одеяло.

– Да-да поклонник твоего внезапного прорыва в спорте и, возможно, твой спонсор в дальнейшем...

– Но тогда мы можем встретиться...

– Мы уже встретились, если ты не обратил внимания!

Михаил удачно свесил стринги с башен конструкции и искал глазами на полу дополнительные сегменты строительства.

– Я хочу знать причину достижения этих внезапных побед и соответствующего успеха.

– Ну, это... – молодой человек смочил горло из кувшина с цитрусовыми и, щурясь проникающему солнечному свету, продолжил, – результат ежедневных тренировок. С потом и кровью...

– Красиво звучит, – Михаил улыбнулся. – Ты сейчас об алкоголе и ночных клубах? Нет! Я хочу знать об истинных причинах, – он забросил строительство. – О человеке, который помог тебе выиграть, который продал тебе дорогостоящие секунды...

Лицо парня мрачнело. Он шарил рукой по простыни, словно ища в ней выход из положения.

– Мне необходимо знать цену, которую ты заплатил! – Михаил заметил часы возле кресла и прикинул, как водрузить их на одну из башен постройки.

Тим весь сжался и, закрыв рот руками, закричал. Grimаса

исказила лицо молодого человека, он замотал головой, выражая отрицание. Часы соскользнули с трости Михаила.

– Почему нет?

– Потому что он убьет меня! – прокричал молодой человек. – Как только доберется до меня...

– Я могу убить тебя сейчас, – Михаил вновь подцепил часы тростью. – Но если ты расскажешь мне, у тебя будет время скрыться от него и пожить еще, соответственно. Ведь ты такой быстрый теперь.

– Ты не знаешь, на что он способен!

– Так вот это я и хочу узнать.

Ствол пистолета был возле виска Тима, а крепкие руки парней держали его содрогающееся тело.

– Подвал возле ратушной площади... – сквозь слезы выдавил Тим, – там я скрепил договор и там заплатил свою цену...

– Какова была цена?

– Жизнь!

Боем пробили часы, висевшие на стене. Порыв ветра пролистал глянцевые страницы с фотографиями успешного мотогонщика. Распятие обожгло грудь Михаила.

– Жизнь?

– Жизнь моей матери. – Тим обмяк, выпав из рук парней, зарыдал, уткнувшись в одеяло.

Михаил скинул часы с трости, разбивая созданную им конструкцию. Пересекая комнату широкими шагами, напра-

вился к выходу. Он слышал, как Тим выплакал точный адрес в старом городе.

*

Почему, когда происходит подобное – страшное, трагическое, то красивое и ранее радующее жизнь становится мрачным и серым? Хотя это прекрасное и радужное не изменяется. Вот и сейчас Михаил, стоя возле цветочных лотков на ратушной площади, где обычно покупал корзины цветов для Ольги, размышлял об этом. Все цветы ему казались скорбно-унылыми. Солнце, выбивающееся из-за рваных туч, угнетало, убивая зноем. Танцующие под деревенскую музыку девушки в своих нарядах, казалось, исполняли ритуальный танец.

Михаил встряхнул головой, избавляясь от наваждения. Но ничего не поменялось. Покидая площадь, он свернул на улицу, где располагался подвал с лавкой, в которой и должен был находиться человек, торгующий временем.

Часы с циферблатами, направленными в разные стороны улиц, висели над обшарпанной дверью. От толчка Михаила, дверь с визгом отворилась. Скрипучая лестница, ведущая вниз. Слабый поток электрического света. К полумраку пришлось привыкать.

Старая мебель. На столе – дымящаяся кружка чая с ароматом цитруса и еще чего-то очень знакомого. Но далекого и уже не встречаемого. Трава, трава полевая. Так пахла смятая постель в поле под их с Ольгой телами.

– Ничего, – произнес один из парней, осмотревший соседние помещения.

– Ничего, – эхом повторил Михаил. – А это что?

Он поднял с пола листок бумаги, на котором было написано:

«Я доигралась. Даже в самых несложных играх нужен перерыв. Я беру тайм-аут».

– Это ее рука.

– Да, хотя фраза несколько изменена, – Михаил сунул листок в карман. – Проверьте все здесь!

Четверть часа поисков не дали результата. Михаил тер виски. Что-то было здесь в этом месте притягивающее, кроме аромата чая, кроме почерка ушедшей на клочке бумаги. Что? Тикающие часы на стене? Нет. Подобных полно в каждом доме. Их ход как связь с человеком, распоряжающимся невозможным – манипуляцией временем?

Еще недавно он говорил мотогонщику, что непонимание порождает страх. Теперь он осознавал это сам. Непонимание происходящего и явно относящегося к нему. Страх. Не тот, что пугает осознанием твоего мизера перед превосходством врага, а тот, когда ты осознаешь притяжение к себе чего-то ужасного, необъяснимого.

Он сидел, раскачиваясь в старом кресле-качалке. А парни боялись произнести хоть слово, боясь отвлечь его от размышлений.

– Полынь, – прошептал Михаил. – Ароматом полыни пах-

ли руки матери...

Он возвращался к семье. Двое суток спустя. Покрасневшие глаза Ольги, темные круги под ее глазами. В них опаска и непонимание. Сухие фразы и прохладные объятия. Обрадованные крики мальчиков. Поздний ужин. Бессонница. Бессонница как время раздумий, а не как патология.

Запах полыни выскользнул из памяти. Заботливые руки матери – это все, что он помнил. Каждый заусенец, каждую трещинку на кистях, каждую полоску вен. Ни лица, ни образа. Даже смутного силуэта. И слова отца без единой капли горечи в голосе: «Она ушла туда, откуда не возвращаются». Как ушла и почему так рано? Никто и никогда не говорил об этом. Ни сам отец, ни люди, приходящие в дом. Люди в темных одеждах, в одеяниях, так пугающих растущего Михаила. Он помнил их взгляды. Они остались в его памяти, и с каждым моментом взросления он пытался понять смысл этих взглядов. В них он видел жалость и алчную зависть, даже открытую ненависть. И что-то еще, что он не смог распознать и до этих дней.

Собрание людей в их доме за большим круглым столом. Речи, наполненные словами, непонимаемыми подростком. Слова на незнакомом языке, от которых волосы становились дыбом. Михаил выбегал из дома и прятался в соседних подвалах и на чердаках. Он приходил в школу неподготовленным. И как результат – полная неуспеваемость. Крики отца. И снова появление странных людей в доме. Замкнутый круг.

Побег из дома в день пятнадцатилетия.

Его приняла семья. Семья благополучная. Своя манера воспитания, свое мировосприятие. Где каждое слово, сказанное вслух, не было пустым и несло определенные последствия. Что уж говорить о поступках и делах. Семья воспитала его в своих строгих рамках. И за вклад надо было платить. Что он и делал до тридцатилетнего возраста.

Многим приходится делать то, что не хочется. Жить так, как не хочется. Но ситуация жизни диктует условия, а неприемлемость этих условий ставит крест на всем существовании. Михаил, стиснув зубы, жил не своей жизнью. Он платил, платил чистой монетой, делая грязные дела.

Когда пришел момент расставания с семьей, его не хотели отпускать. И выход затянулся на годы. Годы тревоги и войны.

Ольга нервно заерзала на шелке постели. После этого должны начаться крики и всхлипывания. Он это знал и всегда был готов к этому. Она не смогла избавиться от прошлого, каких бы усилий он не прилагал. *Прошлое держит вас своими крепкими руками.* Даже пусть не физически. Пусть подсознательно. Но от этого не легче. Ни вам, ни вашему окружению.

Он вытащил ее из цепких лап зависимости. Он боролся за нее годы. Он справился с этим. Одержал победу. Не бросил ее даже в самые сложные моменты. Если бы бросил, то не смог бы дальше жить с этим. Перестал бы уважать себя.

Эта победа привела к следующему шагу. Они взяли двух

близнецов из детского приюта. Это уже была семья. Это уже было ядро. То был смысл жизни. Смысл для Ольги. И исправление ошибок прошлого для Михаила.

Он не мог смириться с неправильным образом жизни в прошлом. Он пытался исправиться. Михаил пристрастился к добрым делам. Он сам не знал, для чего это делает: отмыть себя перед другими или перед самим собой. Перед первыми получалось слабо. Перед самим собой не получалось совсем. Ни семья, ни искусственно возвращенный в себе альтруизм не давали плодов положительного результата.

Да, было приятно возвращаться домой после тяжелого трудового дня, садиться за стол и ужинать с семьей. Было неплохо входить в десятку меценатов, жертвуя часть капитала нуждающимся. Но он видел за ширмой благодарных глаз муниципалитета отвращение и неприязнь к его прошлому и к нему к самому как человеку. Они улыбались и, отворачиваясь, шептались за его спиной.

Но это не останавливало его. Он шел к своей четко поставленной цели. Он помогал детским домам. Церквям, не переступая их пороги. Дома престарелых реанимировались за его счет. Это вызывало улыбку на лицах бывших членов его семьи. Семья превыше всего. Ты должен оказывать помощь только в ее кругу. Но раз ты аутсайдер, то это твое право. Только когда ты вне семьи, у тебя появляются права. В другом случае у тебя есть только обязанности. Это всегда больше всего и угнетало Михаила.

Мысли прервал бой часов. Старинные часы на стене спальни. Бой не вовремя. По своему назначению часы отбивали каждый час. На циферблате часов стрелки показывали чуть больше четверти третьего.

Шорох ветра за окном. Скрип деревьев в саду. Михаил покидает уютный шелк и чуть всхлипывающую Ольгу. Приятный холод стали пистолета, вынутого из ящика прикроватной тумбочки, придает уверенности.

Он вышел из дома. Гавкнул один из догов возле дома охраны. Луна нырнула за тучи. Вокруг потемнело, но не настолько, чтобы силуэты деревьев растворились в темноте. Стриженный кустарник странными фигурами темнел во мраке. Раздался тонкий протяжный свист, и собаки заскулили в один голос. Послышались голоса недовольной охраны. Михаил не придал этому значения. Он шел в угол сада, ведомый ароматом полыни. Исходящий от этого магнетизм отбрасывал все остальное на задний план.

Обводя стволом пистолета деревья и кусты, он подошел к винному погребу. Вышла из-за туч луна, проявив территорию сада. Дверь в погреб была приоткрыта. Ее колыхал ветер. Преодолев возродившееся чувство страха, Михаил вошел внутрь. Среди стеллажей пыльных бутылок не было никого. Он успокоился, опуская пистолет. Под ногами он увидел пучки растений. От них исходил умопомрачительный запах. Он опустился на колени. Взял обмякшую траву в руки и поднес ее к самому лицу.

– Полынь...

Он вновь увидел руки матери, они гладили его по голове. Он услышал ее голос, поющий колыбельную. И шепот, неприятный шепот на латыни, который заглушал голос матери и пробирался под одежду, заставляя тело дрожать.

Раздался хлопок двери, и Михаил оторвал руки с травой от лица. Он успел выхватить пистолет из-за пояса и лечь на спину. Но в прорезь прицела никто не попал. Он поднялся и, топчя полынь, вышел из погребца. Окинув взглядом территорию сада, никого не обнаружил. Пока шел к террасе дома, он услышал повторный свист, вой собаки и ощутил порыв ветра.

Он лег в пустую постель. Открылась дверь душевой, и вошла Ольга. Он улыбнулся ей и мысли: жена вышла точно так, как это сделала перед тем, как они легли спать.

Через какое-то время пробили часы на стене. Михаил бросил взгляд на циферблат. Опять не вовремя. И в тоже время, точно. Точно, как некоторое время назад – чуть больше четверти третьего. Он провалился в сон.

*

Утренние проверки сада на наличие следов и проникновение на территорию дома ничего не дали. Ни веточки полыни в погребце, ни запаха, ни намека.

Но Михаил скорее поверил бы в сверхъестественное, чем в свою невменяемость. Он с улыбкой скучающего богатея бродил по саду, играя с собаками. Впервые за несколько лет

он не поехал в офис. Причиной стали не только ночные происшествия, но и посещение дознавателя. Он решил принять его дома. Пока мальчики в школе, Ольга в бассейне. Работник прокуратуры должен был появиться с минуты на минуту.

Согласиться с тем, что его попросту глючило, Михаил не мог. Он не был наркоманом. И не настолько склонен к шизофрении, чтобы верить в видения. Но ощущения присутствия чего-то или кого-то возле него ночью были настолько реальны, что казались действительностью.

С учетом всех столкновений с манипуляциями времени за последнее время суток, всему могли найтись и логические объяснения. Могли бы. Но искать логику в этом клубке событий Михаил отказывался напрочь. Он испытывал интерес. Спортивный интерес не к происходящему, а к грядущему. Что будет дальше?

«Это только цветочки, а ягодки впереди?» – он невольно усмехнулся этой мысли.

На увсмешку отреагировал Говард, как отражение эмоционального поведения хозяина – он поддержал игру Мартина.

Демонстрация управлением времени, можно сказать, прошла успешно, и кто бы им ни управлял, надо отдать ему должное – произвел впечатление. Михаил давно перестал удивляться чему-либо: людям, их поведению, событиям, происходящим вокруг. Но это впечатляло. Более того, Михаил с определенного времени не просто исполнитель гряз-

ной работы, а бизнесмен, человек, зарабатывающий деньги. А значит – ищущий свою выгоду в любой ситуации. Ему сейчас просто необходимо трезво рассчитать, что может дать возможность управлять временем, или хотя бы покупка драгоценных минут, секунд... Ведь время начало разрушать его бизнес. Значит, оно также может и укрепить его дела.

Раздался лай Мартина, извещающий о проходе чужака на территорию. Михаил пригласил следователя в беседку. Укрылся пледом, предлагая гостю сделать то же самое.

Горячий кофе. Немного алкоголя. Возня Говарда у ног хозяина. Игра Мартина с парнями из охраны. Все располагало к беседе.

Даже явная нерасположенность работника прокуратуры к обстановке во время ведения беседы не портила происходящего. Михаил всегда думал: как эти люди готовятся к дознанию. Они изучают дела, личность человека, его качества и после этого проецируют ход разговора. Ему нравилось ломать то, что они готовили для него.

Но сегодня не было настроения для подобного. Он вспоминал запах полыни. И улыбался произошедшему ночью.

Дознаватель улыбку Михаила расценил иначе. Он втянул голову в клетчатый шарф, по-модному повязанный поверх пальто, блеснул глазами за стеклами роговых очков и, видимо, откинув запрограммированную концепцию ведения разговора в сторону, сказал:

–Ваша управляющая...– он выдохнул воздух из легких.

– Такой опыт работы в сомнительных организациях, такой стержень... Явно нацеленная на долгосрочную перспективу. Что случилось? Она стала не нужна?

Михаил потрепал ухо Говарда и, глотнув кофе, произнес:

– Видимо, нет...

Дознаватель, удивившись, поерзал на скамейке.

– Значит, отработанный материал... Она умерла довольно-таки тривиально – сломана шея. И, говорят, Вы были первым у тела. Что-то необычное, дающее какую-то зацепку, было на месте преступления?

– Думаю, да. – Михаил посмотрел на прыгающего Мартина. – Как-то неестественно вывернута шея и растрепаны волосы... Если Вы меня понимаете.

Сидящий напротив с интересом посмотрел на Михаила и рассмеялся, вытаскивая худую шею из шарфа и пальто.

– Не получится разговора?

– Видимо, нет...

– А какие причины?

– Их, видимо, тоже нет...

Михаил провожал взглядом удаляющуюся фигуру в пальто, которую сотрясал нападающий кашель. Взглянув на собак, смотрящих с непониманием на незнакомца, он подумал о Нате.

Его парни выяснили, что к ней дважды приходил человек. Ранее его никто не видел. Управляющая серьезно относилась к подобным посещениям, не пуская персонал клуба в каби-

нет, мотивируя отказы неимением времени, важностью визита и важностью самого посетителя. В этом не было ничего странного. Ната имела все полномочия принимать людей, полезных клубу. Если бы не одно «но»: после второго посещения она была найдена мертвой.

Никакой точной информации о человеке. Ничего яркого, ничего запоминающегося. Серый костюм, серое пальто. Почти серое лицо. Сплошная серая осенняя обыденность. Но после ее наплыва в его клуб осталась мертвой одна из его лучших подчиненных.

Гулять по побережью он любил. Ему нравился шум волн, разбивающихся о скалы. Шорох камней под ногами. Крик морских птиц. И забавное отношение к морю собак: Говард бродил у самой воды, играя с плеском прибоя, Мартин лежал далеко от берега и наблюдал, словно раздумывая над происходящим. Только море делало собак полярно противоположными самим себе.

Связь между убийством Наты и человеком, промышляющим временем, напрашивалась сама. Но почему он убил Нату? Она отказала ему? Что он хотел? В случае с гонщиком ценою стала мать, ее жизнь. Насколько он знал, у управляющей не было близких, правда, он знал это от нее. Именно этим она всегда объясняла свое рискованное поведение во время работы с другими людьми. Ей нечего было терять. И некого.

Темные тона моря сливались с небом. Серо-зеленая па-

литра жидкой субстанцией оббегала скалы и прибрежные камни. Серая действительность с заявкой на смертельную игру кружила вокруг Михаила. Он любил игры и был по-спортивному зол в подобных состязаниях. Но возраст и ответственность перед семьей отрезвляли. Михаил все-таки решил сделать шаг и посмотреть, что именно спровоцирует этот ход. Вяжется он тем самым в игру или нет. Перевесит ли азарт здравый смысл и желание спокойно дожить свой век возле любимых людей.

*

Два наемника. Он не пользовался их услугами уже несколько лет. Но они были в строю, так же быстры и ко всему готовы. Он разделял их всегда. Ставил одну и ту же задачу, начало выполнения которой у каждого было в свое время. Не было работы, которую они не довели до конца. Пусть с опозданием, пусть затирая следы друг за другом, но результат был всегда положительный для Михаила. Пусть не идеально выполнен, но результат.

Между встречами с этими людьми был час разницы. И в течение этого часа принесли журнал со спортивными новостями. Шокирующая новость для поклонников спорта – во время кольцевых заездов разбилась восходящая звезда мото GP.

Не так много времени дал он ему пожить. Быстрая реакция на предательство. Но Михаил ощущал, что его соперник вложил эту ситуацию в сценарий игры. Поэтому он ничего

не стал менять – следующий наемник пошел по следу тремя часами позже первого. Те же ориентиры, те же описания. В прошлом, кроме специальной подготовки, они оба сталкивались с оперативной работой и знали, что значит идти по следу.

Эффект не заставил себя ждать: он начал получать сведения от наемника номер два из подвала лавки в старом городе, едва за ним закрылась дверь здания офиса. Тот же, кто первым отправился по следу торговца времени, молчал.

Это породило улыбку на лице Михаила. И только. Он потянулся к трубке телефона, чтобы узнать, как обстоят дела у номера один. Но взгляд упал на мраморную рамку со словами отца, и он решил не звонить, доверив все течению времени.

Но течение натыкалось на подводные камни. Одним из них стал звонок Ольги:

– Милый, я застряла в пробке и не могу выбраться, – она была раздражена. – Набрала продуктов; прошла бы пешком, бросив машину, но устала после занятий...

Звонок сорвался. Михаил набрал сам. Телефон находился не в зоне действия. Он бросил взгляд на часы. Рука сама сжалась в кулак. Ольга только сейчас должна была начать свою уникальную тренировку.

Но вот вновь звонок от нее.

– Я улучшила свой результат на одну целую и пять сотых! – она явно была в восторге. – Хвали меня!

– Ты молодец, мой призер...

– Все! Могу позволить себе торт, куплю его после занятий, и ни слова о моей фигуре!

Она положила трубку. Вместе с этим Михаила окатила ледяная волна пота. Затем еще одна. И еще. Он был вполне адекватен и вменяем. Просто время крутило кульбиты вокруг него.

Следующим камнем подводного течения времени стало сообщение от близнецов, которые заглянули в комнату.

– Мы идем к соседям кататься на коньках. Маме привет!

Рубашка на теле Михаила намокла от пота. Говард с пониманием лизнул руку. Дело в том, что мальчики заходили пятнадцать минут назад и говорили о прогулке. Все было точно так же, слово в слово. И он так же взглянул на них в зеркало. Только вот он не помнил сейчас, лизнул ли его руку Говард, или это был Мартин.

Михаил вскочил и скинул рубашку. Он твердой походкой пошел в душ. Долго стоял под горячим потоком. Кабинка наполнилась паром, но его бил озноб, его трясло по-настоящему, так, как никогда в жизни. Много прошло времени, прежде чем он согрелся. Он вышел из душа, завернувшись в халат.

Дверь в гостиную открылась. На пороге стояли близнецы. Их фраза отправила Михаила в нокаут.

Гонгом отбивали часы, пока он находился в нокауте. Олег, управляющий боксерским клубом, кричал ему о дистанции

и о поднятой левой руке, бил по лицу мокрым полотенцем. Это помогло выйти из нокаута. Мартин лизал лицо теплым собачьим языком. Он оттолкнул огромную морду собаки и приподнялся. В комнате никого. На экране – результаты торгов токийской биржи. На циферблате в полумраке отражалось время ужина.

Михаил снова вошел в душ, разминая мозг мыслями о чистоплотности. Рассмеялся сам себе в зеркало. Переоделся и вышел к ужину. Парни выгоняли собак. Семья усаживалась за столом. Ольга, мило улыбаясь и, как всегда, восхищаясь запахом приготовленных блюд, хвалила повара. Мальчики в своем стиле – гремя стульями и сметая в кучу приборы.

Ничего. Абсолютно ничего. Ни на кого не повлияло искривление времени, только на него. Он улыбнулся своей оригинальности в этом. И слегка погрустнел, когда от первого блюда пахнуло нотами полыни. Аппетит пропал полностью с боем часов. Два бокала сухого красного составили его вечерний рацион.

Ночь прошла без происшествий. Если не считать вздрагиваний при каждом бое часов в соседних комнатах. В спальне он остановил маятник.

Михаил не помнил такого разгула страха в себе. Даже в двух безвыходных положениях, имевших место в жизни. Когда не бояться было невозможно. Тогда он пытался контролировать страх. Чередуя попытки с мольбой и обращениями к Богу. К Богу, в которого он верил, как и каждый – своей

верой. Он выбрался из тех ситуаций. Может, с божьей помощью, может, нет. Это только ему, Богу, известно. Пусть с резаной плотью и пулевыми отверстиями, как испытаниями, посланными Богом, но он выбрался. Но тогда так не было страшно. Может, потому, что все было предельно ясно, или не было времени на полное осознание страха.

Сейчас он испытывал страх перед неизвестным. Враг был спрятан за темными закоулками разломов времени. И полностью неизвестен. Как бороться с подобным, Михаил не знал. Кто мог помочь, он тоже не знал. Возможно, люди из прошлого – члены семьи, учителя семьи – сталкивались с подобным и знали способы. Но обращаться, возвращаясь, к семье стало бы унижением собственного достоинства и признание своей несостоятельности. Этого Михаил хотел меньше всего.

Бизнес катился под откос. На всех фронтах деловых отношений Михаил нес потери. Остановить их и что-то исправить он не мог. Его первостепенной задачей стали другие проблемы. Хотя он понимал, что здесь все взаимосвязано.

Он находился в кабинете, когда принесли «радостные» новости. Один из наемников сообщал, что уничтожил цель, играя в русскую рулетку. Второй наемник доложил о выполнении поставленной задачи, остановив дыхание торговца времени, перекрыв доступ кислорода последнему в какой-то ночлежке на окраине города. Подобного бреда Михаил от этих людей не слышал. Несвойственные им методы.

Он уже предвидел следующие новости об этой парочке.

Они поступили к вечеру. Один был найден с отверстием в голове в старом городе, второй – бездыханным в ночлежке, соответственно. Михаил выпил бокал крепкого алкоголя и, взглянув на девиз отца, выругавшись, поехал в тир. Там он стрелял до отупения.

*

Боксерский клуб встретил траурной тишиной. Несмотря на разгар тренировочного времени и наличие бойцов в клубе. Они молча смотрели на проходящего мимо Михаила и его охрану. Некоторые кивнули головой в знак приветствия.

Здесь все было не так плачевно. Олег был жив. Лишь сильно напуган. Шептал странные слова, понятные только ему. Но вскоре их смысл стал понятен и Михаилу.

– Нет, нет, нет... так дешево я ее не отдам. Я не для этого столько лет вкладывал в нее себя... – Олег, обхватив голову, раскачивался, как маятник.

Услышав, что речь шла о цене и о предполагаемом товаре, Михаил сконцентрировался и подошел к Олегу. Раскачивающаяся голова оказалась рядом. Михаил увидел шрамы от рассечений, капли пота на залысинах.

– Олег... Он был у тебя? – Михаил был предельно мягок.

Маятник остановился, и Михаил увидел в сантиметрах от себя тяжелый взгляд из-под бровей.

– Да! Это страшный человек! – Олег сжал кулаки и в тот же момент безвольно откинулся на спинку стула. – Он знает все болевые точки на теле... на теле человеческого созна-

ния... – Вся масса Олега содрогнулась, видимо, от воспоминаний.

Михаил протянул ему поданный кем-то стакан с водой.

– Ну-ну, Олег... – Михаил положил руку на плечо управляющего. – Что он предлагал?

– Время...

Мурашки. Нет! Водоворот колющих и холодящих точек раскрутился в нижней точке позвоночника. И распространился по всему телу Михаила. Он невольно поежился.

– Время?! – прошептал он. – А... в какой форме?

– Он напомнил мне мои лучшие бои, – рассказывал Олег сквозь глотки воды и бой стакана о зубы, – все лучшее, что у меня когда-то было в жизни. Он преподнес это как журналист, освещающий карьеру спортсмена: взлет как звезды и закат – все в подробностях, все именно так, как отражала пресса...

Олег затих, сжимая стакан в крепких руках. Михаил опередил раскачивание маятника.

– Что было дальше, Олег?

– Дальше? – Управляющий поднял на Михаила затуманенный и отрешенный взгляд. – Затем он коснулся личного... – Треснул стакан в руке, и стекло осыпалось на пол. – Он затронул то, что мало кто знал. Мои отношения с женщиной... Это было на взлете, когда я шел к чемпионству, это было так, как не было никогда. Возможно даже, что она и помогла мне дойти до финала. Возможно, именно она и ста-

ла моим триумфом, а не тот злосчастный пояс!

Михаил, слегка опешив, отодвинулся назад. Он мало представлял с этой стороны бывшего спортсмена. Но он и не знал его в те годы. Только рассказы. Газетные репортажи и кадры старой спортивной хроники.

– Она пропала тогда из моей жизни внезапно... – Олег смотрел в глаза Михаила, словно ища понимания. – Так же внезапно как появилась... Это было как шторм, который обостряет в Вас в один момент глубоко спрятанные чувства, но это не страх и паника, рефлекторное желание жить... Это другое. Я думаю, вы понимаете?!

Михаил не прерывал рассказа, давая возможность выговориться, зная, что в этом случае он получит более детальный рассказ, чем во время упругой сжатости.

– Я больше не видел ее. Она исчезла, оставив вокруг меня пустоту. – Олег пнул ногой осколки стекла. – Я справился и, возможно, следующая победа была посвящена ей... Я где-то глубоко верил, что она появится вновь. Но нет! Потом все покатило вниз. Вот такая история, босс...

Михаил в жесте разжал руки.

– Ах да... Он рассказал мне мельчайшие детали знакомства и некоторых волнительных моментов отношений с ней. – Олег собрался весь словно перед боем. – Мне даже показалось в один момент, что это ее знакомый, и сейчас откроется дверь, и она войдет в мой кабинет, – здесь он горько усмехнулся, тронув маску лица. – Но нет, он предложил с ней

встретиться. Но так как ее уже давно нет, предложил встретиться в то время, когда мы были вместе, в то самое время – больше двадцати лет назад – и провести эти три месяца вместе с ней.

Михаил рассмеялся, но, встретившись глазами со взглядом, полным пустоты и скорби, затих.

– Моя первая реакция была такая же. – Олег вновь горько усмехнулся. – Хотя мне было совсем не до смеха, мне хотелось разбить голову этому человеку, вытрясти из него все... Узнать, где она, что с ней произошло... Я даже дернулся в его сторону, но... – он помотал головой, – но мой импульс завис в воздухе!

Михаил нервно закурил, словно утомленный рассказом обычно немногословного человека. Отказался от предложенного бокала алкоголя.

– Не знаю, как объяснить, но время остановилось... Я повис в воздухе на подъеме со стула. – Глаза Олега расширились от пережитого недавно ужаса. – Все остановилось: и сигаретный дым, и разгоняющий его вентилятор... Только не замер он. Он говорил со мной и даже рекламировал мне предлагаемый товар: я оказался на балконе одного из отелей, где жил во время восхождения к славе. Мы целовались. Это был наш первый поцелуй. Все было реально. И запах ее волос, и порывы теплого ветра, наполненные запахом ириса. Наваждение, но реальное, как сама жизнь. Он вывел меня из ступора, и я упал, обессиленный, в кресло как после 12-

раундового марафона. Он предложил вновь прожить три месяца безвозвратно ушедшей счастливой жизни.

– Так в чем же дело? – рука Михаила сама потянулась к отвергнутому стакану с коньяком.

– Он заломил нереальную цену, – Олег рассмеялся нервно.

– Какую? – нетерпеливо спросил Михаил.

– Он захотел мою птичку – мою Колибри...

Михаил знал о воспитаннице Олега, которая возвращалась в клубе третий год. Девушка, занявшаяся мужским видом спорта, показывала неплохие результаты. Превращаясь из хрупкой сиротки в настырного и техничного бойца. Олег вкладывал в нее всю душу. Понятно, что он не променял бы ее ни на что. Это было святым для него.

– Понятно. Что еще?

– Еще? – Олег опустил голову и вновь заглянул в глаза босса, словно ища в них ответы на все вопросы. – Еще он знал, как я про себя называю девочку именем той, которая безвозвратно исчезла десятки лет назад. Этого не знал никто...

Лопасты вентилятора остановились над головой Михаила. Он допил коньяк и с трудом произнес:

– Как он выглядел?

– Ничего такого... Серое пальто, серый оттенок лица. Сплошная серая масса...

Михаил освобождал шею от душащего платка, сталкива-

ьясь в дверях с выбегающими собаками. А за спиной звучал невменяемый смех Олега. Он душил его так же, как и платок. Михаил отдышался только на улице, сделав глубокие качки, наполняя легкие воздухом. Ему слышался смех и бой часов, чудился запах полыни.

«Вот как?! Он не только может приостановить время или ускорить его. Он может вернуть в прошлое и дать прожить определенные моменты снова! Если это не какой-то долбаный гипноз, то это феномен. И он открывает феноменальные возможности. Но почему все вокруг встречаются с ним – пусть остаются мертвыми или не вполне вмменяемыми, – но встречаются? Меня он как-то вкрадчиво, не показываясь, убедил, что время преломляется. И только. Почему нет контакта?»

*

Он вновь отправился к морю. Луна висела над водной гладью – блеклая дыра в темноте. Под ногами шуршали камни, эхом отдаваясь среди скал. Собаки впервые выразили единство – улеглись рядом, наблюдая за движениями хозяина. Михаил швырял камни в воду, размножая и искривляя лунное отражение на поверхности моря.

Он не знал, как найти нужного ему человека. В свое время он находил людей, которые годами числились в розыске, считаясь пропавшими. Их не спасали ни смена имен и фамилий, ни смена мест проживания, ни даже пластика лица. Способности Михаила были уникальны: небольшой штат со-

трудников и его чутье помогли разыскать десятки людей для семьи. Это было в начале. Это была работа, это была практика. Но теперь он был бессилён. Его методика устарела вместе с уходом в отрыв технологий.

Но и одно дело – найти простого смертного, а другое – нечто, шныряющее по коридорам времени, как по комнатам старой квартиры. Да ещё и открывающего эти коридоры другим.

«А ведь какого успеха можно было добиться, обладая такими способностями!?»

Михаил, несмотря на весь ужас происходящего, думал о прибыли, оставаясь бизнесменом до конца.

Внезапно завыл один из псов. Мартин. Говард с удивлением посмотрел на него и тоже взвыл, гораздо выше, переходя на скуление. Эхо подпевало животным.

Михаил увидел в этом дурной знак и крикнул парням, призывая к сбору. Минутами позже, когда они уже подходили к машинам, за спиной раздалось скуление собак и голос Михаила, раздающего распоряжения. Холод пробежал по спине Михаила. Собаки, оглянувшиеся на эхо, присели на задние лапы. Наваждение длилось секунды. Холодящая кожа кресел автомобиля продлила ощущения страха. Холод. Его знобило. Он мысленно успокаивал себя, натягивая при этом улыбку на лицо.

Он так и добрался до дома – улыбаясь от страха. Улыбка не смогла продержаться долго. В доме он обнаружил

несколько шокирующую картину: Ольга на диване в гостиной. Лицо ее было бледным с зеленоватым оттенком. Мальчики сидели за столом и смотрели на нее. Она была невменяема. Терла покрасневший нос рукой.

«Не может быть!»

Мысль потрясла Михаила, и он едва заглушил импульс гнева, зарождающийся в нем. Он стремительно пересек комнату, попросив мальчиков удалиться в детскую. Осмотрел руки Ольги. Они были идеально чисты. Но то, что она была под воздействием, было очевидным. Михаил знал это ее состояние. Все симптомы налицо. Из уголка рта потекла слюна. Михаил встряхнул Ольгу, та на мгновение открыла глаза, промычала что-то неразборчивое, и зрачки закатились под закрывающиеся веки.

– Приехал доктор, – раздался голос за спиной.

Ольгу увели в спальню. Доктор занялся ею. Михаил слушал человека из охраны.

– Она позвонила, как обычно, с тренировки и сказала, что зайдет в оранжерею, и мне нужно будет забрать ее с площади... – парень слегка волновался. – Я нашел ее, сидевшую полусогнутой возле входа в музей. Привез домой... Вот, собственно, и все.

– С ней был кто-то рядом подозрительный? – Михаил дергал рукой. – Или хотя бы неподалеку?

– В том то и дело, что нет... И, видимо, уже давно.

– В смысле?

– Голуби... Они сидели вокруг нее. А один даже на ее коленях пытался что-то клевать.

Михаил отпустил парня, заметив в проеме дверей врача.

– Ничего страшного, – спокойно произнес тот, – я сделал все что нужно. Она спит, и утром все будет нормально.

– Но док...

– Тест не выявил наличие субстанций в организме, – он опередил интерес Михаила. – Этот тест – один из последних... – доктор развел руками, – хотя все указывает на присутствие опиатов. Ничего не могу сказать. Всегда считал, что в жизни все объяснимо... Дерзайте, молодой человек!

Доктор принял конверт с деньгами, пальто от парней и с кивком головы покинул дом.

– Он стоял возле лотка с черно-белыми фото, – Ольга морщила лоб, вспоминая детали. – Не знаю, почему... Ведь я шла за шпинатом, я шагнула к нему... Глаза – они как магнит, серые, стальные властные... Фотографии разрывали мозг! Это снимки из моего прошлого. Но я точно знаю, что в те моменты меня никто не фотографировал. Я была на них в состоянии... ну ты понимаешь. Я удивленно подняла глаза на него и увидела его зрачки – они били «в точку»! Мир перевернулся, и мне страшно захотелось испытать то... ты знаешь...

Михаил глотнул кофе. Ему оно показалось полынью. Он даже заглянул в напиток, увидев свое отражение.

– ...Он сказал: «Я помогу! Да?» Я ответила: «Да». И все

качнулось под ногами. Заволновалось морем все окружающее меня. Я сидела в парке с Люси, это было наше начало... Люси больше нет давно, – Ольга всхлипнула. – Но мы были с ней, и я испытала то, что действительно было кайфом. Я не могу это объяснить, но я была там, и все было реальным. Затем голос шофера и тяжесть... – Ольгу передернуло как от чего-то жуткого. – Тяжесть от всего непереносимая...

Михаил тер виски, пытаясь унять вновь появившуюся мигрень – боль пока сносная, но ненужная.

Говард положил морду на колено хозяина, словно прислушиваясь к тиканью наручных часов Михаила и пульсации головной боли.

*

Михаил помнил, как нашли его люди из странного общества и сообщили о плачевном состоянии его отца. Откинув внутренние условности, он переступил порог храма. Странного храма. Ступил на камень мозаики возле одра, на котором лежал отец. Внутренне недоумевая, почему отец, еще живой, подготовлен к поминальному обряду? Сухая рука, гладкая кожа...

Воскресенье. Служба в храме. Он вошел в обитель спустя почти четверть века. Его встретил служитель, мгновенно оставив юродивого. Михаил заметил интерес в глазах подходящего к нему, затем недоумение и отдаленный оттенок страха. Пламя свечи колыхнулось, образуя странные тени на фресках.

– Вам нужна моя помощь!

Это было утверждение.

– Не думаю, – ответил Михаил, с интересом разглядывая образы святых на иконах и стенах.

– Я все-таки думаю, что она нужна! – служащий настаивал.

– Я так не думаю! – повысив голос, развернулся к нему Михаил, жестом одновременно успокаивая парней.

Служитель, смиренно опустив голову, прошептал:

– Вы сюда вернетесь...

Он не слышал его. Он восстанавливал в памяти сюжеты и образы со стен храма, где он присутствовал на прощании с отцом. Впечатления разнились. Здесь лики святых и живописные сцены несли в себе Добро и Зло, обреченное на гибель. В окружающей ритуальный стол отца атмосфере таилась подтекст непроходимой однотональной серости с заявкой на вечность. Ни Добра, ни Зла. Ни Света, ни Тьмы. Серость во взглядах собравшихся живых и окружающих образов.

Пульсация боли тикала в голове. Ворот рубахи сдавил горло. Из памяти выплыл образ Распятого, ломающий все каноны веры и представление о ней. Мученик был прикован на разведенных в разные стороны стрелках, закрепленных на полуразвалившемся циферблате. Сейчас над Михаилом возвышался образ Иисуса на кресте с подтеками крови из-под гвоздей, смертельной раны и веток терновника.

Он хватал воздух ртом, повиснув на руках парней возле

ворот храма. Стоявшие на паперти отшатнулись в сторону. Выходящие прихожане, крестясь и бормоча, ускорили шаг.

*

Михаил, стоял рядом с Ольгой на презентации фонда, направление которого просто кричало об альтруизме и меценатстве. В данный момент это был минус. Но основа была заложена в период финансового благополучия. Остановить же начатое Михаил считал невозможным.

Дрожь, бьющую Ольгу, он ощущал кожей влажной руки. Ее затрясло внезапно, несмотря на тепло помещения и теплоту пусть даже лицемерных улыбок и взглядов присутствующих. Абсистенция. Бледность ее можно было отнести к благородности кровей, но муку во взгляде, отразившуюся во вспышках камер репортеров, он знал отлично.

– Ты как?

– Я в порядке, – едва проговорила Ольга.

– Уйдем?

Она отрицательно качает головой. Он бросает взгляды на часы, ожидая завершения мероприятия. Смотрит на время, чьи сигналы и чей ход становятся невыносимыми для него.

Снова вспышки фотокамер. Мимолетные вопросы репортеров. Патетика благодарностей. Доброжелательность рукопожатий. Вечная сухость взглядов официальных лиц.

Ольга встретила его снова. Вчера. Несмотря на запрет выхода из дома. Она вышла к воротам встретить мальчиков из школы. На два часа раньше их реального возвращения.

Столкнулась с ним. С серым человеком. С человеком, возвращающим в глубину пространства прошедшего и безвозвратного. В недра времени. Там она просидела «уделанная в мясо» на концерте когда-то популярной группы, прожигая джинсы и кожу окурками сигарет, не чувствуя боли и облеывая собственную обувь.

В реальности ее нашел охранник скрюченной возле ворот дома. Врач не обнаружил следов наркотиков в крови после тестирования.

Наконец-то он увез ее, пробираясь сквозь толпу. Ее, буквально повисшую на руке как ненужный плащ в сухую погоду. Их провожали удивленные взгляды и вспышки вездесущих репортеров возле машины. Ее лихорадило.

Следующий день принес очередную встряску: мальчики появились дома очень напуганными. Они оказались в прошлом. Их прошлое оказалось гораздо хуже Ольгиного. Дети оказались в приюте после решения суда. Мальчики подвергались насилию в рамках семьи – избиение родителями-алкоголиками. То, что они пережили, было сущим адом. Михаил приложил массу усилий для того, чтобы убедить официальные лица забрать детей из приюта. Об усилиях, приложенных для того, чтобы мальчики почувствовали уют в новой семье, не рассказать в паре фраз. Но они с Ольгой сделали это.

И вот сегодня дети вернулись в прошлую жизнь. Встретившись на крыльце школы с человеком в сером. Он показал

им фокус с исчезновением шариков в руке. И они купились. Дети! Мальчики очутились в подвале дома своих родителей.

Страх. Ужас в глазах. Такими нашел их шофер, забирающий из школы. Школьники, собравшиеся вокруг, удивленно смотрели на близнецов. Кто-то смеялся, тыча пальцем. Кто-то, опасаясь, отходил в сторону. На лицах учителей паника. Элитная школа – нежелательность подобных эксцессов.

Дома они прижались к собакам, все так же дрожа. Лишь устало взглянули в глаза Михаила. Молча. Во взглядах мольба – ни слов, ни касаний! Он оставил их. Благодарные вздохи вслед. Дети так и проспали всю ночь с собаками. А с утра – тоска и остатки страха в глазах.

Михаил, стиснув зубы, поехал на встречу.

Они встречались на нейтральной территории. Тихий ресторан. Отличная кухня. Бирюзовые тона. Мажорные ноты скрипача, высекаемые смычком.

– Ты повзрослел, – сказал человек, сидящий напротив Михаила.

Усталый взгляд карих глаз из-под очков. Шрам через всю щеку. И сила. Исходящая из раскаченного тела, движений и жестов. Сила во взгляде, повороте головы. Сила во всем.

– А ты постарел, – улыбнулся Михаил.

Собеседник ответил улыбкой.

– *Время не жалеет нас и... никого.*

– Да время... – опустив голову, проговорил Михаил, словно преклоняясь перед культом, который идеализировал, и

который его теперь порабощал.

– *Самое жадное на свете – это время, потому что оно не дает никому ни одной лишней секунды и никогда ни даст,* – собеседник Михаила заправил салфетку и приступил к горячему блюду.

Перед ним сидел его наставник. Человек, преданный семье как цербер – вратам ада. Но он встретился с Михаилом спустя много лет, забыв о запретах. Его всегда волновало, что стало с теми, в кого он вложил столько сил. Тем более, что таких осталось не так и много.

– Ты когда-нибудь слышал, чтобы его продавали? Время... – Михаил разглядывал маслины, выделяющиеся в однородной массе салата.

Наставник лишь на секунду оторвался от блюда, взглянув Михаилу в глаза, затем продолжил есть. Даже в этом Михаил увидел силу. Тщательно вытерев губы, наставник произнес:

– Да, ты знаешь, организация сталкивалась однажды с подобным. – Он пригубил из бокала розового вина и причмокнул от удовольствия. – Странное событие в не менее странный период существования организации...

– Это не разглашаемо, насколько я понимаю? – Михаил нервно дернул край салфетки, что не укрылось от собеседника.

– Знаешь... – наставник взглянул в сторону, словно увидел какой-то странный объект. Михаил поборол чувство, толкающее оглянуться назад. – Это правило по-прежнему

действует, но я устал и, как говорят, то, что было – прошло, а раз прошло, значит, не было. Действительно было это или нет, я не знаю.

Михаил сел удобнее в кресле, глядя на раскуривающего сигару собеседника.

– Ты тогда уже делал первые шаги на благо семьи и помнишь, конечно, Марио – он занимался северными землями?

– Который внезапно пропал из собственного офиса?

– Так говорят... – Наставник выпустил кольцо дыма размером с бублик из детства Михаила. – Он пришел однажды к боссу и сказал, что познакомился на бульваре с человеком и он отправил его в прошлое настолько реальное, что в момент пребывания в нем оно казалось настоящим. Над ним рассмеялся высший состав семьи, присутствующий на совете. Тогда он рассказал некоторым из собравшихся их мысли и действия, произведённые от этих мыслей в момент, когда они были в том прошлом. – Он вновь выпустил кольцо дыма, и Михаил увидел, как оно доплыло до открытого окна и развалилось. – Конечно, не всем это понравилось, ведь... – он усмехнулся, – Марио рассказал мысли не всех присутствующих. Но боссу было все равно – его мысли безгрешны. Он спросил, не мог бы новый знакомый Марио отправить его в будущее? – Еще одно кольцо дыма развалилось возле окна. – Тот передал просьбу босса.

Наставник кивнул официанту, заказав еще вина. Михаил удивился: это было не свойственно этому волевому челове-

ку.

– Марио побывал в будущем недалеко... Настолько недалеко, что смог утвердительно заявить о победителе в супертяже, который должен был состояться в следующую от событий субботу. Все вбухали суммы, конечно, не очень существенные. – Наставник разбавлял рассказ вином. – Предсказанный результат сбылся, хотя и не был очевиден. Марио предсказал и технический нокаут, только ошибся раундом, несильно: вместо шестого он назвал пятый. Это посеяло сомнения в головах... и ненависть к Марио, ведь он мог знать мысли присутствующих, а мысли не всех были чисты. Тогда босс заявил о том, что это все могло быть и простым совпадением. Вот если бы Марио побывал в далеком будущем и смог бы рассказать, что станет с организацией дальше. Марио смиренно склонил голову. Он появился на следующий день и уединился с боссом в кабинете, встревожив остальных глав семьи...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.